

Д. А. ГРАНИН

Постоянство

Десять лет назад я писал о феномене Д. С. Лихачева. О том, что не так его научные открытия, как нравственный образ, вся его жизнь русского интеллигента создали ему совершенно необычный авторитет.¹

За эти десять лет, пожалуй, главным чувством в нашем сознании стало разочарование. Беспомощность демократов, продажные чиновники, заграничные счета, участие в мафиозных делах... Почти ни один недавний герой не удержался, не устоял. Перерождение происходило непонятно быстро, словно гангрена поразила общество. Те, на кого мы возлагали надежды, — обманули, предали, купились на выгодную должность. Произошло массовое падение понятий чести, достоинства. Люди невольно оглядываются — неужели в России не осталось никого из тех, кого мы так любили, кому верили?

Эти десять лет Д. С. Лихачев провел в самой гуще общественной жизни, его не охраняли стены академического кабинета, он подвергался тем же страстям, тем же влияниям, что и остальные деятели. Но никакая порча не коснулась его, ни в чем он не изменил себе, я бы сказал, что он стал относиться к себе еще строже. В написанном мною в 1986 г. можно ничего не подправлять, и в том не моя заслуга.

Благодаря телевидению образ Дмитрия Сергеевича Лихачева стал широко известен. Экран телевизора разоблачает или подтверждает. То, что Лихачев рассказывал о своей семье, детстве, учебе, — принималось всей душой, это была история моральных основ его среды, он вводил нас в мир подлинной культуры, высших ценностей жизни. Делikatность, учтивость — полузабытые сегодня понятия — для Лихачева правила, воспринятые от его родителей и учителей. Он следует им неотступно.

За многие годы нашего общения я не помню, чтобы он кому-то грубил, завидовал, кого-то поносил, не помню, чтобы он льстил властям предрежащим, славословил, даже «во имя интересов дела». Когда его преследовали ленинградские власти, пытались уничтожить не только морально, но и физически, избивали, поджигали квартиру, он не сгибался, не искал примирения. Об этом он не рассказывает. В рассказах о Соловках, где он сидел в лагере, он описывает не личные свои невзгоды, а интересных людей, с которыми соседствовал. Грубость жизни не ожесточила его, можно подумать, что она сделала его мягче и отзывчивей.

Легко изобразить его судьбу как цепь репрессий, несправедливостей, народных бедствий, которые настигали и его, ему пришлось вместе в семье перенести тяжесть ленинградской блокады, эвакуации. А все же не это опре-

¹ Гранин Д. А. В служении Отечеству: Мастера культуры // Правда. 1986. 12 окт.

деляло его жизнь, стержнем ее было счастье творчества. «Какой главный итог вашей деятельности?» — спрашиваю я. «Возрождение интереса к семи векам древнерусской литературы», — отвечает он без колебаний. Именно это всегда стояло перед ним как цель. Счастлив тот, у кого есть ясная цель его деятельности. Лихачев осуществлял ее из года в год, десятилетиями. Его библиография — это во многом его биография. Около двух тысяч работ, более двадцати книг, в том числе: «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X—XVII веков», «Человек в литературе Древней Руси», книги про «Слово о полку Игореве», о текстологии. Порой возникали неожиданные отклонения. Так появилась книга «Поэзия садов (к семантике садово-парковых стилей)», «Смех в Древней Руси».

Древность, которой он занимался, не уберегала его от столкновений с советской действительностью. Партийному начальству мешала его нравственная, его научная позиция, она противоречила большевистской идеологии, — слишком много разумного, доброго видел он в древних, дореволюционных устоях России.

По специальности, да и по характеру, он типичный кабинетный ученый. С годами же, против своей воли, он становился все более активным общественным деятелем. Не хотел, а отвлекался от научной работы, выступал то в газетах, то по телевидению, на всякого рода общественных форумах, наконец, согласился стать депутатом Верховного Совета СССР. Зачем? Я думаю, его понуждала боль за убогое, нищенское состояние нашей культуры, за разрушение памятников, за издевательства над историей.

Вспоминается, как в 1965 г. Д. С. Лихачев выступил на совещании в Ленинграде. Готовился проект коренной реконструкции Невского проспекта, проект грозил превратить Невский в подобие московского Нового Арбата. Лихачев сумел показать губительность этой идеи. В таких случаях надо уметь найти аргументы. Невский спасли. В том же году эрудиция Лихачева, его умение убеждать сохранили от вырубки Пушкинский парк.

Список того, что удалось Лихачеву защитить, отстоять от разрушения, включает многие регионы и республики. В Чернигове это лесной район Лескович, в городе Мышкине — библиотека, в Плесе на Волге остановили разработку песчаных карьеров.

По его инициативе был создан Фонд культуры, он придал высокий уровень деятельности Фонда. Личность Лихачева, его международный авторитет во многом определяли любое дело, за которое он брался. Он создал журнал «Наше наследие». Двадцать лет он возглавлял выпуск серии книг «Литературные памятники».

Многое сейчас уже забылось, никто не ведет счет этим делам, сам Лихачев помнит прежде всего то, что ему не удалось защитить и спасти. Этот список печально велик. Его письма, обращения, телеграммы далеко не всегда дают результаты. Устало сетует он на директоров библиотек, которые ведут себя как владельцы — продают раритеты, «чтобы помочь деньгами сотрудникам». Ему пишут краеведы, обращаются к нему защитники старины, памятников архитектуры, парков, вызывают как к последней инстанции — спасите, остановите вандалов, нужны средства, нужно постановление.

По сравнению с лавиной просьб сделанное им кажется слишком малым. Как Сизиф, он продолжает толкать свой камень. Когда я начинаю жаловаться на безнадежность, он говорит мне:

— Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, будьте добры высказывать свое мнение. Поэтому не отмахивайтесь, надо выступать. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хоть один голос, пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились. Каждый человек должен заявлять свою позицию, хоть в семье, хоть в учреждении.

Будучи депутатом, Лихачев трижды выступал на съездах народных депутатов СССР о положении культуры. Всякий раз его ласково поддерживали, каждый ведь числит себя приверженцем культуры. Однако закон о культуре так и не был принят. Нынешний парламент так же глубоко чужд проблемам культуры. Они отговариваются тем, что все решает сейчас экономик. Твердят, что нынешнее состояние умов определяют лишь цены на рынке. Бытие, мол, определяет сознание, их сознание во всяком случае. Они материалисты. Лихачев в этом смысле идеалист, для него сознание определяет бытие. Без нравственного сознания не действуют ни право, ни законность. В стране воров нельзя провести ни один закон, тем более закон о культуре. Опыт его жизни заставляет его настаивать на приоритете культуры. С нее надо начинать.

А. Д. Сахарова упрекали в политической наивности, оказалось, что его политические проекты наиболее дальновидны, его государственное мышление куда мудрее политики профессионалов. У Лихачева примерно то же самое. Его никогда не сбивали с толку демагогия, обещания, хитроумные ходы властолюбцев.

Меня поражало, как во времена нашей депутатской работы Д. С. Лихачев быстро и дальновидно оценивал ход событий, его нравственное чутье было ориентиром куда более верным, чем расчеты политиков.

Лихачев не переставал показывать, как нравственность зависит от культуры. Его собственная жизнь, его быт никогда не расходились с тем, что он проповедует. В дачном поселке Комарово его обитель в крыше общего дома более чем скромная. Она вполне его устраивает, здесь он работает, здесь принимает гостей из всех стран. Крохотный палисадник, ни забора, ни сауны, никаких принадлежностей нынешних вилл.

Долгие годы ему не разрешали выезжать за границу. Сейчас он почетный академик и доктор многих университетов и академий: Американской, Итальянской, Геттингенской и прочих, Оксфордского, Эдинбургского, Цюрихского и других университетов. Нет смысла перечислять Международные премии, награды, не этими регалиями держится интерес к нему во всем мире. Хотелось бы понять, почему его так приглашают и принимают за рубежом. Президент Египта Мубарак обстоятельно беседует с ним о библиотеке в Александрии, с папой римским у Лихачева происходит долгий разговор о русском искусстве, с Вацлавом Гавелом — об истории культурных отношений.

Президенты Италии, Финляндии, других стран стали его собеседниками за эти годы. Могут лишь догадываться по собственным впечатлениям, как прельщает их его мысль, свежая, независимая, оснащенная примерами, всегда конкретная, его идея о единстве культуры. Прежде всего он выступает как миссионер русского искусства, великого явления мировой культуры. Он поглощен идеей всеобщей Декларации прав культуры. Не так важно ее принять, как повсеместно обсудить. Памятники культуры, величайшие произведения искусства принадлежат всему миру, они общее достояние, их сохранность — всемирная забота.

Думаю, что визиты этого русского академика с тихим голосом, неторопливой речью запоминаются больше, чем осторожные переговоры с главами держав.

Его просветительская деятельность приносит результаты, которые он и не имел в виду. Так, после знакомства с Лихачевым принц Чарлз предпринял факсимильное издание рукописных тетрадей А. С. Пушкина. Впервые рукописи Пушкина по-современному сдублированы.

Принц Чарлз пригласил Д. С. Лихачева в свое английское имение, интерес к творчеству русского гения возрос, и в частности к болдинской осени

поэта, принц Чарлз так же факсимильно намерен повторить болдинские рукописи.

Признаться, более всего радует неистощимая творческая энергия Лихачева. На исходе девятого десятка лет мысль его не тускнеет, не повторяется.

В нашей культурной среде появилось немало талантливых ученых, авторов интересных идей, догадок, новаторских исследований, среди них не хватает лишь людей, к которым можно отнестись с полным доверием, как к духовным учителям. Авторитет духовного учителя приобрел Д. С. Лихачев. Авторитет его выросал не на побочной общественной деятельности, историческая наука, его родное дело, раскрылась у него в таких формах, когда она помимо своей академической ценности стала необходимой частью духовного существования для нас, неспециалистов. Он оживил трепетное чувство связи с исторической традицией, с чувством долга по отношению к обществу. Уважение к прошлому он перевел из квасного, хвастливого патриотизма в понимание красоты древней русской литературы, архитектуры, ремесла.

По-молодому горячо опровергает он модничанье и популизм некоторых историков. Примечательны его две последние работы: «О русской интеллигенции» (1993 г. «Новый мир») и «Нельзя уйти от самих себя» (1994 г. «Новый мир»). В первой он показал, что для России проблема «Восток—Запад» играет куда меньшую роль, чем связи «Юг—Север». «На это как-то никто не обращал внимание, но это именно так», — пишет Лихачев. Он решительно отвергает евразийство России. Россия не Евразия. «Россия несомненная Европа по религии и по культуре».

В следующей своей статье он фактами опрокидывает звонкую соблазнительную идею о некой особой миссии России: «Никакой особой миссии у России нет и не было!».

Не могу удержаться от соблазна привести цитаты этой статьи:

«...Центристские позиции тяжелы, а то и просто невыносимы для русского человека.

Это предпочтение крайностей во всем в сочетании с крайним легковесием, которое вызывало и вызывает до сих пор появление в русской истории десятков самозванцев, привело к победе большевиков. Большевики победили отчасти потому, что они (по представлениям толпы) хотели больших перемен, чем меньшевики, которые якобы предлагали их значительно меньше... Это было уже на моей памяти».

Он категорически отрицает расхожие ссылки на «миссию» русского народа, на «тяжелое наследство рабства», которого не было, крепостного права, которое было у многих, на якобы отсутствие деловых качеств, которых было сверхдостаточно (одно освоение Сибири чего стоит), и т. д. «У нас была история не хуже и не лучше, чем у других народов».

Стиль — это человек. Стиль Лихачева многое говорит о нем. Природа щедро наделила его какой-то счастливой гармонией внешнего и внутреннего. Как он был красив в молодости, так и ныне, в старости, четко обозначилось в его облике благородство, с каким прожита эта нелегкая жизнь. Он никак не похож на богатыря, но почему-то все же напрашивается это определение. Богатырь духа, великолепный пример, заслуженная слава, почет, чувство удовлетворения... Человек, который сумел, несмотря ни на что, осуществить себя, и тому подобное. Казалось бы... Откуда же эта печаль? От того ли, что долгие насажденные усилия не смогли остановить растущей кругом него безнравственности, хамства и злобы. От того ли, что мало единомышленников и много оставивших его. У него нет чувства завершенности, но, может, это и есть истинный оптимизм.